

АВДЕЕВ М.Ю.,

кандидат юридических наук,

Председатель Президиума МГКА

«Московская гильдия адвокатов и юристов»,

e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

АННОТАЦИЯ. Современная российская политико-правовая ментальность имеет ряд характерных особенностей: неразвитое правовое чувство, низкий уровень политической и юридической культуры, отсутствие прочных традиций законопослушания, незрелое, деформированное правосознание, девальвация моральных и духовных ценностей, упоение свободой без границ, элементы вседозволенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конституционное право, неприкосновенность частной жизни, права человека, конституция, государство, закон.

AVDEEV M.YU.,

Candidate of Law, Chairman of the Presidium

of the Moscow Guild of Lawyers and Lawyers

CONSTITUTIONAL LEGISLATION ON THE RIGHT OF CITIZENS TO PRIVACY

ANNOTATION. The modern Russian political and legal mentality has a number of characteristic features: an undeveloped legal feeling, a low level of political and legal culture, the absence of strong traditions of law-abiding, immature, deformed legal consciousness, devaluation of moral and spiritual values, rapture of freedom without borders, elements of permissiveness.

KEY WORDS: constitutional law, privacy, human rights, constitution, state, law.

По мнению многих правоведов, нецелесообразно выводить государство в качестве сервильного компонента концепции личности и власти [1]. Государство осуществляет собственные функции, которые направлены на достойное, свободное и безопасное расположение человека в системе общественных отношений. Очевидно, что современное Российское государство эти функции не выполняет. Невыполнение функций по защите личности, в то же время чрезмерная опека, доходящая до тотального вмешательства в сферу личностных отношений, в пространство индивидуального бытия – это две стороны одной и той же негативной ситуации. Н.И. Матузов писал: «Зачем власть, если она не «опекает» и не защищает гражданина, то есть не выполняет своей первейшей функции? Однако все дело – в целях, методах, конкретных условиях. Плохо, когда власть дистанцируется от личности, снимая с себя всякую ответственность за ее существование и выживание. Но еще хуже,

когда «забота» власти о своих «подданных» простирается так далеко, что это «кураторство» превращается в тотальный контроль над ними. В этом случае суверенитет индивида – тем более фикция. Выход – в поисках разумных форм сочетания указанных подходов в пользу личности» [2]. Если государство поступает по отношению к личности по своему усмотрению, то оно не правовое [3].

В 2004 г. вышло в свет издание под названием «Красная книга. Конституция Российской Федерации» [4], в которой недействующие нормы Основного закона, а также нормы, смысл и содержание которых были существенно изменены в ходе их практического применения, выделены жирным курсивом. Тогда это выделение охватывало около трети всего конституционного текста. Сейчас, по мнению Е.А. Лукьяновой, оно составляет более половины [5]. Кроме этого, в настоящее время действуют двенадцать толкований Конституции, которые значительно трансформи-

руют толкуемые нормы, а в официальный научный лексикон введен термин «живая конституция». Анализируя значение политики в науке конституционного права, Н.А. Богданова сделала вывод о том, что «в политически нестабильном обществе закрепленный в Основном законе компромисс общественных интересов неустойчив. Изменение в расстановке политических сил приводит к фиктивности конституционных положений...» [6].

К этому фактору добавляется еще ряд других, осложняющих реализацию права на неприкосновенность частной жизни. Так, современная российская политико-правовая ментальность имеет ряд характерных особенностей: неразвитое правовое чувство, низкий уровень политической и юридической культуры, отсутствие прочных традиций законоуважения и законопослушания, незрелое, деформированное правосознание, девальвация моральных и духовных ценностей, упоение свободой без границ, элементы вседозволенности и т.д. [7]. Идея индивидуализма не всегда находит поддержку в массовом сознании, а человеческое достоинство традиционно ценится невысоко. Иногда злоупотребление правом оправдывается политической или нравственной целесообразностью [8].

Приоритет прав личности перед государством не может формировать атмосферу вседозволенности, распущенности бескультурия. Он должен создавать в обществе высокий уровень правовой культуры, сознания индивидов, формировать их умение отстаивать свои интересы юридическими способами. В свою очередь сильное государство – это государство социальное, правовое, демократическое. Сильное государство не может вторгаться в сферу личных интересов, реализация которых не нарушает прав и свобод других лиц. Государство потому и сопровождается таким определением (сильное), что оно сохраняет внутригосударственный и международный баланс ценностей и интересов без ущерба ценностям и интересам самой личности, составляющей в идеале сущность всех форм социальной жизни, в том числе и государственных [9]. Сильное государство устанавливает и обеспечивает охрану основ взаимодействия личности и государственной власти без нужного вторжения в частную жизнь.

Таким образом, условием обеспечения свободы для каждого должна быть неразрывная связь свободы как высшей социальной личностной ценности и ответственности как условия обеспечения свободы для каждого. Выборные кампании, периодически проходившие и проходящие в нашей стране, показывают, что участники выборов – как сами кандидаты, так и их команды, жур-

налисты – весьма активно используют право «искать, получать и распространять информацию», предоставленное Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (п. 2 ст. 19). В то же время остается как бы в забытии следующий, третий, пункт этой статьи, который говорит об обязанностях и особой ответственности, связанных с уважением прав и достоинства других людей, охраной нравственности населения.

В феврале 1999 г. в газете «Время» была опубликована статья М. Ланцмана под названием «Сетевой компромат. Виртуальные провокаторы упражняются в мастерстве». «Российский Интернет, — пишет М. Ланцман, — постепенно превращается в виртуальную бочку для слива компромата. 19 февраля в Глобальной сети появился сайт под названием «Коготь-2», где был опубликован пакет компрометирующих материалов на председателя совета директоров Красноярского алюминиевого завода Анатолия Быкова. Сайт своим названием отсылал к недолговечному «Когтю» номер один. В конце ноября неизвестный выложил на популярный московский сервер целое собрание агентурных досье, материалов слежки и прослушивания ряда видных российских политиков, бизнесменов и чиновников. Коллекция вошла в историю под названием «Коготь», сайт просуществовал в публичном доступе менее суток и исчез так же внезапно, как и появился. Авторы «Когтя-2» не ограничиваются связями господина Быкова с местным преступным миром. Приводятся данные о его тесных контактах с мэром Москвы Юрием Лужковым и высокопоставленными сотрудниками федеральных силовых ведомств» [10].

Именно московские покровители Анатолия Быкова, как считают анонимные сочинители, позволяют ему легко уходить от уголовного преследования. Авторы сайта «Коготь-2» делают далеко идущий вывод: «Сегодня в Красноярском крае сложился альянс местного коррумпированного чиновничества и теневого бизнеса, за которым стоит международная организованная преступность» [3]. Однако скандал в Интернете разгорелся не по поводу собственно содержания скандальных материалов. Анонимные авторы «Когтя-2» среди источников информации назвали агентство «Слуховое окно». Агентство «Слуховое окно», тоже анонимное, разместившее свой сервер в Интернете в конце прошлого года, занималось распространением в Сети различных политических слухов (в конце прошлой недели «Слуховое окно» из Интернета исчезло). Связь с анонимным «Когтем-2» анонимные хозяева «Слухового окна» сочли оскорблением своего достоинства и посчитали нужным отмежеваться.

По их версии, за спиной «Когтя-2» стоят экономические конкуренты Анатолия Быкова, связанные с лидерами правоцентристских партий Сергеем Кириенко и Борисом Немцовым. Непосредственным координатором проекта «Коготь-2» является, по мнению «Слухового окна», Глеб Павловский, сочинивший несколько лет назад нашумевший сценарий «Версия «1» о попытке политического переворота. Господин Павловский, возглавляющий Фонд эффективной политики, в комментарии сетевого «Русского журнала» (издателем которого он является), обвинил создателей политических слухов в элементарном непрофессионализме и предсказал им незавидное будущее. Дилетанты из «Слухового окна», согласно профессиональному взгляду господина Павловского, кончат тем, что «будут сочинять листовки для захудалых одномандатников». Заявление Глеба Павловского определило жанр будущих виртуальных столкновений. В отличие от реального политического пространства, где компромат будоражит общественное мнение и влияет на решения политиков, компромат в Интернете дает пока лишь пищу для размышлений: кто же его истинные авторы. Но в любом случае интернетовские эксперты были правы, когда после появления первого «Когтя» констатировали начало эры сетевых провокаций.

Несмотря на легкий тон статьи, речь идет о серьезных вещах. Вот новая проблема, которая возникла буквально на наших глазах, – использование Интернета для откровенных политических провокаций, распространения слухов или, скажем так, фактических данных, нарушающих неприкосновенность частной жизни. Подобные действия – результат правовой неурегулированности сетевого пространства, общения в нем. Пока ситуация носит локальный характер, но она может вырасти в очень серьезную политическую проблему, так как источник информации остается анонимным и даже привлечь его к суду за распространение таких данных сегодня невозможно [11].

Вторая проблема, которая тоже появилась недавно, связана с опубликованием и распространением, в том числе, по каналам Интернета судебной практики. Опубликование судебной практики – чрезвычайно важное направление демократизации российского общества. Оно укрепляет и делает реальным общественный контроль над деятельностью суда, который сегодня фактически бесконтролен. Сегодня принцип гласности судопроизводства означает, что приговор суда или судебное решение читаются перед весьма ограниченным кругом присутствующих, а затем подшиваются к делу. И доступ к нему практически невозможен [12].

Естественно, что открытие судебной практики, публикация судебных решений, позволяет осуществить общественный контроль над деятельностью суда, что чрезвычайно важно в нынешних условиях, и позволяет людям понимать, вообще говоря, куда идет судебная практика и как решаются дела на основании действующего законодательства. Но опять же возникает вопрос: а что, если лицо, в отношении которого вынесено это решение, допустим, истец, категорически возражает против этого? Ведь в судебном решении содержится масса личной, подчас конфиденциальной информации: домашние адреса, сведения о имущественном положении, факты и обстоятельства личной жизни, фамилии и адреса свидетелей и т.д. Вряд ли правильно, чтобы эти данные получили широкое распространение. Поэтому перед выставлением судебных решений в открытую сеть для всеобщего ознакомления, они должны проходить какой-то «фильтр» и часть данных персонального характера из этих решений должна изыматься. В противном случае, наряду с широким ознакомлением с судебными решениями, мы получим тяжелейшие, ранящие людей вторжения в личную жизнь. Это две стороны проблемы, которые надо решать вместе. Решение их по отдельности либо нарушит государственные интересы, либо нарушит интересы личности.

Вообще, по мнению многих юристов, «самая массовая операционная система не оставляет места для приватности»: «Полезно иной раз заглядывать в EULA – End User Licence Agreement – «лицензионное соглашение с конечным пользователем». А еще лучше – на сайт производителя». Например, на сайте Microsoft можно найти перечень компонентов новой операционной системы Windows Vista, регулярно доставляющих ее разработчику сведения не только о компьютере, на котором система работает, но и об информации, через него проходящей.

Цели корпоративного любопытства можно поделить на две категории – от совершенно оправданных, необходимость которых очевидна, до явно преступных. Так, на первый взгляд, полное имя и фактическое проживание, которые приходится указывать при регистрации в сетевых службах Microsoft – ключ к множеству сведений, обычно признаваемых не подлежащими разглашению. В то же время такое раскрытие личной тайны может пригодиться самому абоненту: в тех случаях, когда в Интернете хранятся сугубо личные данные, может понадобится доказать их принадлежность.

Тем не менее, ряд оснований «корпоративного любопытства» трудно оправдать. Например, DRM – Digital Rights Management – «цифровое

управление правами», да и весь американский Digital Millenium Copyright Act – DMCA, «закон о праве копирования в цифровую эпоху», многие считают «преступлением против человечества» [13], так как они в конечном счете нацелены против главного источника прогресса – права обучаться не только на опыте ближних [13]. По мнению А. Вассермана, это коммерческие извращения представления о праве вообще и собственности в частности. Они возникли и поддерживаются исключительно потому, что перепродавцы чужих идей, не заинтересованные в возникновении новых не подконтрольных им творений, сумели сплотиться в мощное политическое и юридическое лобби. Естественно, что никакие технические средства поддержания преступных законов нельзя признать приемлемыми [12].

Но такая откровенная агрессия против интересов потребителей пока еще довольно редка. Деятельность большей части цифровых шпионов, изобильно включенных разработчиками в состав «крупнейшего в мире компьютерного вируса», представляется на первый взгляд почти благонамеренной. Сама компания Microsoft обещает не использовать собранные данные в ущерб их источнику [14]. Корпорация создала обещание о неразглашении, такое обширное, что не каждый доберется до пункта, где «Microsoft может раскрыть персональную информацию о вас, если это требуется для соблюдения законности или декларации чистоты намерений, в следующих случаях:

- для соблюдения законного или легального процесса, осуществляемого Microsoft;
- для защиты и соблюдения прав Microsoft, включая обязательность осуществления соглашения между вами и компанией;
- в случае экстренных обстоятельств для защиты личной безопасности сотрудников или служб Microsoft, членов общества» [15].

Таким образом, речь идет о том, что Microsoft может рассказать о своих клиентах, когда ей это заблагорассудится. Иными словами, в основе всего лежит добрая воля самой Microsoft, что не поддается независимой проверке, поскольку тексты программ засекречены, а Digital Millenium Copyright Act грозит тюремным сроком за попытку их дешифровки по двоичному коду. Такая дешифровка, как показала практика, вполне осуществима. Microsoft сделала предусмотрительную оговорку: опубликованный ею список компонентов, собирающих и передающих информацию, не является исчерпывающим. Итак, под прикрытием официальных резидентов информацию могут собирать и так называемые нелегалы. Там, где возможен засекреченный поток сведений, невозможно отследить русло этого потока. Тем более

что судиться с богатейшей корпорацией в одиночку невозможно и при явном нарушении своих обязательств корпорация останется безнаказанной.

Получается, что каждый почти из семидесяти официальных и неопределенного числа неофициальных сборщиков информации, которые устанавливаются по единоличному решению Microsoft на почти каждый новый компьютер, представляет потенциальную угрозу тайне частной жизни. Из разрозненных частей вполне можно собрать довольно богатую мозаику.

Безусловно, такая возможность не страшна школьнику или студенту, использующему компьютер для рисования и переписки со сверстниками, но доверять такой программной продукции, как и любой программе, чей исходный текст недоступен, граждане, связанные с бизнесом, политикой, наукой, не могут. Тем более опасно использование таких программ для крупных структур. Так, многие банки, несмотря на агрессивную рекламу Microsoft, используют на своих серверах системы, чья родословная восходит к открытой и полностью документированной Unix. Существует программа Linux, написанная полностью с нуля и поэтому не содержащая компонентов, чьи тексты закрыты от специалистов.

Реальная ситуация во многом отличается от нормативной модели. В газетах появляются сообщения о частном подслушивании и других нарушениях приватности частных лиц. Существует такой легальный канал утечки медицинской информации, как больничный лист с указанием диагноза, и этот лист пациент должен отдать в отдел кадров. Анкеты, заполняемые при поступлении на работу, несколько сократились, но по-прежнему предполагают предоставление избыточной информации, не говоря уже о неизменной графе «национальность». От М.Е. Петросян при поступлении на работу в Администрацию Президента потребовали указать место рождения отца, скончавшегося двадцать лет назад. И, если мы пока не ощущаем негативных последствий информационного контроля со стороны государства, это свидетельствует не столько о его самоограничении, сколько об отсутствии у него в данный момент соответствующих возможностей. Во всяком случае, автору приходилось сталкиваться с предложениями о создании общенационального реестра населения – централизованной базы данных, где накапливалась бы почти исчерпывающая информация об индивиде. Это обосновывалось тем, что так-де будет удобнее и для государства, и для человека.

При обсуждении проблемы защиты частного лица от других частных лиц или институтов речь идет не только о предвыборной борьбе, но и

о взаимоотношениях, например, между банком и клиентом или деятельности частных детективов. В последние годы расширяется вмешательство в частную жизнь путем использования технических средств специального назначения, позволяющих вести скрытую запись разговоров, фото- и видеосъемку, несмотря на то, что исключительное право на оборот спецтехники предоставляется Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», а сертификация и лицензирование осуществляются органами ФСБ, закупка и ввоз правомочны только по конкретному контракту под конкретный заказ субъекта оперативно-розыскной деятельности. Но и спецслужбы должны применять эту аппаратуру на основании судебного решения.

Как можно говорить об устранении последствий нарушения прав человека в стране, где наше тоталитарное прошлое возвращается буквально через любую щель! Например, упорные попытки спецслужб повсеместно внедрить СОПМ – систему оперативно-розыскных мероприятий – на станциях электронной связи, которая позволяет им иметь доступ к вашей корреспонденции без санкции суда. Грубейшее нарушение ваших конституционных прав оправдывается необходимостью борьбы с преступностью.

В России с 1995 г. существует система СОПМ. Это система оперативно-розыскных мероприятий на предприятиях связи, на телефонных станциях и т.д. В 1998 г. разработаны технические условия и на систему СОПМ-2, которая предполагает распространение оперативно-розыскных мероприятий на механизмы документооборота. Первая СОПМ – это та самая система оперативно-розыскных мероприятий на предприятиях связи, которая предполагает следующее: спецслужбы, в первую очередь Федеральная служба безопасности, добились того, что в технические задания на производство аппаратуры, предоставляющих услуги связи гражданам; это АТС различного уровня – городские, сельские, производственные и т.д.; эти АТС и другие системы телефонной связи оснащались бы сразу за счет оператора связи аппаратурой, которая позволяла бы со специального пульта управления спецслужбам подключаться к любой телефонной линии и обеспечивать практически несанкционированный съем информации, несанкционированное вторжение в частную жизнь граждан. При этом никакой процедуры, обеспечивающей контроль над обеспечением законности таких подключений не предусматривается. Съем информации обеспечивается двоякий: статистический съем информации – это когда информация снимается только о том, кому вы звоните и кто вам звонит, как часто звонят и т.д.; вторая система

полного съема информации, при которой все входящие и исходящие телефонные звонки, кроме того, что регистрируются номера телефонных связей, переадресация и т.д., регистрируется обмен информацией. В принципе такую систему нельзя рассматривать как криминальную или плохую, потому что как иначе бороться с организованной преступностью, с коррупцией, как отыскивать преступников, если не иметь возможности проникать в какие-то информационные потоки. Но в российском законодательстве, в Конституции оговорена необходимость соблюдения тайны переписки и телефонных переговоров, оговорено, что нарушение этого положения возможно только по закону РФ, и не в коем случае не на ведомственном или межведомственном уровне. И в 1998 г. были внесены поправки в закон об оперативно-розыскной деятельности: в ст. 5 был добавлен абзац: «Органы, (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную, семейную тайну, неприкосновенность его жилища и тайну корреспонденции». Абзац первый части второй ст. 8 изложен в следующей редакции: «Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации» [14].

Это и раньше было записано, что только суд дает разрешение на прослушивание телефонных разговоров. Но технические условия (это ведомственный документ, подписанный совместно Федеральной службой безопасности и Министерством связи) предполагают, что спецслужбы обладают неконтролируемыми техническими возможностями снятия и контроля информации. Ограничение, о котором говорится в поправках к закону об ОРД, – необходимость получать разрешение на прослушивание и съем информации и условие, что неизбежные в этом случае ущемления прав граждан могут быть осуществлены только с разрешения суда. Но особенность в том, что в системе СОПМ граждане не защищены от произвола оперативников! Если оперативно-розыскную деятельность в системах связи проводили господа следователи и не брали при этом разрешение у суда, – а техническая возможность этого на съем этой информации заложена в технических условиях на аппаратуру, – то они все-

го-навсего не смогут воспользоваться этой информацией в суде, так как не смогут предъявить в суде разрешение на прослушивание. История с действиями оперативников в деле Александра Никитина очень показательна в этом отношении. В процессе расследования был такой эпизод. Никитину предъявляют расшифровку его телефонного разговора с каким-то американским человеком и говорят: ты разговаривал такого-то июня 1995 г. с господином таким-то. Присутствие профессионально грамотного адвоката Юрия Шмидта позволяет снять эту проблему. По существу разговора объяснить не было никакой проблемы, но адвокат Юрий Шмидт встает на формульную позицию: пожалуйста, предъявите разрешение на прослушивание. Дело о разглашении гостайны было возбуждено в октябре, у вас съём информации – в июне. Пожалуйста, покажите разрешение суда на прослушивание телефонных разговоров. Они не смогли предъявить, попытались задним числом какие-то липовые бумажки приносить от каких-то прокуроров. В результате этот эпизод из расследования был изъят. Хотя с точки зрения привычного, оправдывающегося перед органами поведения не представляло труда доказать несущественность этого разговора для дела [15].

Сегодня никто не застрахован от того, что люди, работающие на выносных пультах управления, которые созданы в соответствии с техническими требованиями и согласованы Министерством связи и Федеральной службой безопасности, не будут снимать личную информацию неизвестно с какими целями. Может ли кто-нибудь поручиться, что офицер или служащий ФСБ, который сидит на пульте управления, не будет снимать информацию о какой-нибудь коммерческой структуре, или частном лице, или в поисках любовника жены своего друга, или еще что-нибудь? Никто за это поручиться не может, потому что никаких контрольных механизмов над тем, как спецслужбы используют эти пульта управления, и только ли с разрешения суда, нет. Более того, во всех документах, которые разработаны, они не предусматриваются. А нежелание операторов следовать этой противозаконной практике может привести оператора связи к потере лицензии на деятельность по связи, т.е. лишить его возможности осуществлять свою предпринимательскую деятельность.

Система СОПМ-2 прямо и жестко формулирует, что она предусматривает возможность обеспечения оперативно-розыскных мероприятий на сетях документальной электросвязи, что она создается на основе законодательства Российской Федерации, предназначена для технического обеспечения проведения указанных меро-

приятий на сетях электросвязи, используемой для предоставления потребителям услуг телематических служб, передачи данных и услуги доступа к всемирной глобальной компьютерной информационной сети Интернет [16].

Иными словами, благодаря системе СОПМ-2 они в состоянии подключиться к любому пользователю Интернета. А формулируется это так: «Настоящие технические требования распространяются на сети документированной электросвязи независимо от форм собственности, которые создаются или были созданы ранее, на основании выданных Госкомсвязи лицензий». Понимать надо так, и практика уже есть такая, что когда спецслужбы пытаются внедрить эти системы, а провайдеры, предоставляющие услуги связи по Интернету, возражают или просто сомневаются, их просто лишают лицензии, а стало быть, и права заниматься этим видом бизнеса. Следует учесть также, что перехваты информации должны обеспечиваться независимо от того, какие способы защиты информации используются в системах документального оборота. Существует Указ Президента, который запрещает использовать шифровальные системы, не прошедшие сертификацию в ФАПСИ. Иначе говоря, системы кодировки, которые могут использоваться на территории России, должны быть переданы в ФАПСИ и ФСБ. Оправдывается такое положение стремлением защитить потребителя от некачественных систем кодирования, но ФСБ при этом будет автоматически иметь доступ ко всякой информации.

Особую остроту приобрел вопрос о не санкционированных судом обысках в помещениях, занимаемых адвокатами. Потребовалось вмешательство Конституционного суда РФ, который указал: «1. Положения статей 7, 29 и 182 УПК Российской Федерации в их конституционно-правовом истолковании, вытекающем из сохраняющих свою силу решений Конституционного суда Российской Федерации, и в системном единстве с положениями пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не предполагают возможность производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без принятия об этом специального судебного решения» (Определение от 8 ноября 2005 г.).

Объявив сгоряча в пылу реформ адвокатуру защитницей интересов гражданского общества, власть тут же начала искать управу на этот слишком вольный институт [17].

Для начала на адвокатов была возложена обязанность уведомлять Федеральную службу по финансовому мониторингу о сделках клиентов, направленных на легализацию преступных дохо-

дов или финансирование террористов (постановление Правительства РФ от 18 февраля 2005 г. № 82). Странное предписание, противоречащее и принципам нормативного регулирования общественных отношений, и природе адвокатуры. Если речь идет о правовой обязанности, она должна бы сопровождаться указанием ответственности за уклонение от ее исполнения. А главное – такая обязанность адвоката должна бы вводиться не Правительством, а законодателем, ибо речь идет об изменении Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», направленного на ограничение профессиональной тайны, а может быть, и ее подрыв. Если речь идет об обязанности нравственного характера, следовало бы эту новеллу соотнести с Кодексом профессиональной этики адвоката и нравственным принципом взаимного доверия поверенного и клиента.

Выяснилось, что в основе приведенного постановления лежит Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» с дополнениями от 28 июля 2004 г. На недоуменные запросы адвокатов Совет ФПА РФ в своем решении от 23 июня 2005 г. вынужден был напомнить о незыблемом значении адвокатской тайны, сославшись при этом не только на Закон об адвокатской деятельности, но и на Определение Конституционного суда от 6 июля 2000 г. № 128 [18].

Принцип неприкосновенности частной жизни пока редко применяется Конституционным Судом РФ. Дела, связанные с защитой частной сферы, немногочисленны. Определением от 2 марта 2000 г. № 38 КС РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы граждан Л.А. Межрицкой, А.А. Аксеновой, Е.П. Горбуновой и И.А. Стяговой на нарушение их конституционных прав положением абз. 6 ч. 11 п. 3 ст. 8 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». Эти граждане были акционерами ОАО «Союз» и обратились в КС РФ с жалобой, в которой просили проверить конституционность положения, предусматривающего, что в обязанности держателя реестра владельцев ценных бумаг входит предоставление зарегистрированным в системе ведения реестра владельцам и номинальным держателям ценных бумаг, владеющим более 1% голосующих акций эмитента, данных из реестра об имени (наименовании) зарегистрированных в реестре владельцев и о количестве, категории и номинальной стоимости принадлежащих им ценных бумаг.

На основании указной нормы арбитражный суд Архангельской области решением от 30 июля

1998 г. обязал Некоммерческое партнерство «Первая судоходная депозитарно-клиринговая компания» держателя реестра акционеров ОАО «Союз» предоставить ОАО «Армейские инвестиции», владеющему более 1% обыкновенных акций ОАО «Союз», данные из реестра об именах владельцев (полном наименовании), количестве, категории (типе) и номинальной стоимости принадлежащих им ценных бумаг ОАО «Союз». Постановлением апелляционной инстанции арбитражного суда Архангельской области и постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа, рассматривавшего кассационную жалобу на данное решение, оно было оставлено без изменения [17].

Заявители полагали, что содержащиеся в реестре сведения о владельцах акций относятся к информации о частной жизни гражданина, право на неприкосновенность которой закреплено ст. 23 (ч. 1) Конституции РФ. И поскольку в соответствии со ст. 24 Конституции РФ сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются, такие сведения не могут предоставляться, если владелец акций не дает на это своего согласия. Положения же абз. 6 ч. 11 п. 3 ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг не содержит условия об обязательности согласия гражданина, зарегистрированного в реестре акционеров, на предоставление данных о нем из реестра и потому противоречит ст. 23 (ч. 1), ст. 24 (ч. 1) Конституции РФ [15].

В принятом Определении КС РФ констатировал, что в соответствии с ч. 2 ст. 36 Закона о Конституционном Суде РФ основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции оспариваемая норма или Закон в целом. При этом, разрешая вопрос о принятии обращения к рассмотрению, КС РФ с учетом требований Закона о Конституционном Суде РФ должен проверить, имеется ли в действительности неопределенность в вопросе о конституционности оспариваемых норм Закона и является ли в связи с этим обращение допустимым.

Данные об акционерах, которые в соответствии с абз. 6 ч. 11 п. 3 ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг обязан предоставить держатель реестра, характеризуют правовой статус гражданина-акционера как владельца определенного имущества, а именно: эмиссионных именных ценных бумаг, закрепляющих право на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации [19].

Оспариваемая норма не устанавливает общедоступности этих сведений для любых заинтересованных лиц, а закрепляет право на их получение лишь тех зарегистрированных в системе ведения реестра владельцев и номинальных держателей ценных бумаг, которые владеют более 1% голосующих акций акционерного общества, т.е. не регламентирует раскрытие этой информации исключительно для самих акционеров при аккумулировании ими определенного пакета акций.

Доступ к данным, содержащимся в реестре акционеров, является неотъемлемой частью общего права (и особенно акционера, имеющего существенное количество акций) на получение информации о делах акционерного общества, включая и сведения о других акционерах. В его основе лежит право собственности на акции, необходимость защиты акционером своих законных прав и интересов [20].

Раскрытие информации о владельцах именных ценных бумаг выражает фундаментальный принцип деятельности современного фондового рынка: требование его информационной прозрачности, соблюдение которого является гарантией защиты прав инвесторов, вкладывающих свои средства в ценные бумаги, и прежде всего самих владельцев акций [21].

Информация об именах акционеров, о принадлежащих им ценных бумагах позволяет судить о праве того или иного лица участвовать в общем собрании общества, о количестве голосов, которыми он располагает, его возможностях влиять на состав совета директоров, исполнительного органа акционерного общества и на принимаемые обществом решения. Получение такой информации может быть связано с необходимостью установления контактов с другими акционерами по поводу приобретения их акций или предложения о выкупе долей других акционеров, для организации противодействия или поддержки каких-либо действий и т.д. Таким образом, через доступ к данным реестра обеспечивается реализация и защита акционерами своих законных прав и интересов.

КС РФ пришел к выводу, что в рамках акционерного общества, во взаимоотношениях акционеров друг с другом и акционерным обществом анализируемые сведения имеют характер деловой информации и не могут быть отнесены к личной или семейной тайне, к сфере исключительно частной жизни конкретного лица [22].

Следовательно, отсутствие в оспариваемом положении абз. 6 ч. 11 п. 3 ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг условия об обязательном согла-

сии акционеров на предоставление данных из реестра не может рассматриваться как нарушение конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [23].

Встает вопрос: может ли быть применен конституционный принцип охраны частной сферы в области трудовых отношений? Правоведы [24] считают, что ответ должен быть положительным в дополнение к тому, что к области трудовых отношений в определенно-ограниченных пределах относим принцип свободы договора, а принцип неприкосновенности частной жизни означает установление определенных пределов при законодательном регулировании прав и обязанностей частного работодателя. Частные работодатели и государство не могут уравниваться. Частный работодатель должен иметь право отказать в приеме на работу на том основании, что его не устраивают какие-либо качества кандидата. Это проявление защиты частной сферы работодателя. В то же время государство, принимая на службу чиновника, подвергается большим ограничениям, которые вытекают из запрета дискриминации, т.е. нельзя, например, отказать в приеме на государственную службу только по причине несопадающих политических взглядов [21].

В настоящий момент правовая основа защиты персональных данных в России стала приобретать ясные очертания, формируясь, по мнению Э.А. Цадыковой, по двум направлениям [25]. Во-первых, принимается специализированное законодательство, которое содержит правовые нормы, гарантирующие неприкосновенность частной жизни и регулирующие сферу защиты персональных данных. К специализированному законодательству относятся такие правовые акты, как Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «О персональных данных», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации», Указ Президента РФ № 188 от 65 марта 1997 г., утверждающий «Перечень сведений конфиденциального характера» [26], и др.

Во-вторых, институт персональных данных в российском праве формируется за счет норм, содержащихся в иных федеральных законах. К ним следует отнести: Трудовой кодекс РФ, Федеральный закон № 27-ФЗ от 1 апреля 1996 г. «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» (в ред. от 31 декабря 2002 г.), Федеральный закон № 115-ФЗ от 7 августа 2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» (в ред. от 30 октя-

бря 2002 г.), Федеральный закон № 143-ФЗ от 15 ноября 1997 г. «Об актах гражданского состояния» (в ред. от 8 декабря 2003 г.).

Можно сказать, что в правовой защите персональных данных в нашей стране наметились большие сдвиги, в целом сложившаяся правовая ситуация после принятия законов «О персональных данных» и «Об информации, информационных технологиях и защите информации» обнадеживающая, соответствует международным стандартам в защите персональных данных и обеспечении неприкосновенности частной жизни [27].

Тем не менее, в Федеральном законе № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» вводятся определенные виды ограничений, на обработку информации персонального характера, что, по мнению правоведов [28], может вызвать проблему баланса между необходимостью сохранения конфиденциальности персональных данных и свободы выражения мнения,

поскольку средства массовой информации всегда чутко и настороженно относятся к любому рода препятствиям в свободе обращения информации [29].

В случае совершенствования Конституции РФ желательно учесть, что ст. 25 Конституции РФ: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» нуждается в изменении. Слова «проживающих в нем лиц» предлагается заменить словами «лиц, наделенных самостоятельным правом пользования данным жилищем».

Конституционно-правовой принцип правового государства по своему нормативному содержанию предполагает такие адресованные законодателю требования, как точность, конкретность, определенность и непротиворечивость законов.

Список литературы:

- [1] Рыбаков О.Ю. Векторы российской правовой политики в сфере защиты прав и свобод личности // *Право. Законодательство. Личность. Очерки*. Вып. 2. / Под ред. О.Ю. Рыбакова. Саратов: Изд. ГОУ ВПО «СГАП», 2007. С. 85.
- [2] Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 476, 477.
- [3] Долгий М.О. К вопросу о понятии и понимании правового государства: теоретико-правовой аспект // *Международный научный вестник*. 2022. № 2. С. 18-19.
- [4] Красная книга. Конституция Российской Федерации. М.: Новая газета, 2004.
- [5] Лукьянова Е.А. Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. 2007. № 15. С. 4–9.
- [6] Богданова Н.А. Правовая догма и политика в науке конституционного права // *Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право*. 1997. № 4. С. 14.
- [7] Матузов Н.И. Правовой нигилизм как деструктивное явление российской действительности // *Человек и право на рубеже веков. Альманах Института прокуратуры РФ СГАП*. 2005. № 1 (6). С. 5.
- [8] Малиновский А.Л. Злоупотребление правом. М., 2002.
- [9] Рыбаков О.Ю. Личность и правовая политика в Российском государстве. Саратов: ГОУ ВПО «СГАП», 2003.
- [10] Моисеева Т.В. Судебный контроль за соблюдением права граждан на тайну телефонных переговоров и иных сообщений // *Журнал российского права*. 2001. № 1. С. 71–75.
- [11] Аливердиева М.А. Место и роль полиции в системе взаимодействия правоохранительных органов по защите окружающей среды в Российской Федерации // *Международный научный вестник*. 2022. № 3. С. 54-55.
- [12] Пиманов А.К. Механизм функционирования государства и правосознание граждан: теоретико-правовой подход // *Международный научный вестник*. 2022. № 2. С. 27-28.
- [13] Вассерман А. Старший брат следит за тобой // *Бизнес-журнал*. 2008. № 7. С. 11.
- [14] Гасанов А.Я. К вопросу об информационной среде как основе цифровой услуги // *Международный научный вестник*. 2022. № 4. С. 84-85.
- [15] Моисеева Т.В. Указ. соч.
- [16] Харзинова В.М., Шхагапсоев Т.Р. Сравнительно-правовой анализ применения мер уголовно-процессуального принуждения // *Международный научный вестник*. 2022. № 4. С. 61-62.
- [17] Долгий М.О. История конституционных изменений места и роли правоохранительной функции в государстве: исторические аспекты // *Международный научный вестник*. 2022. № 3. С. 17.

[18] Вестник ФПА РФ. 2005. № 3. С. 35, 36.

[19] Казберов П.Н. Проблемные вопросы реализации профессионально-психологической подготовки сотрудников ОВД к экстремальным условиям служебной деятельности // Право и управление. 2022. № 7. С. 134.

[20] Николаева Ю.В. Уголовная ответственность за государственные преступления: современный аспект // Право и управление. 2022. № 7. С. 144.

[21] Мусатов В.В., Поленов Д. Некоторые вопросы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций в сфере информационных технологий (по материалам судебной практики) // Право и управление. 2022. № 9. С. 37.

[22] Шелепина Е.А. Некоторые аспекты защиты прав осужденных при приватизации жилых помещений // Право и управление. 2022. № 11. С. 80.

[23] Иванский В.П. Правовое регулирование защиты частной жизни граждан и персональных компьютерных данных в Канаде // Вестник РУДН. Сер. Юрид. науки. 1997. № 1. С. 183—190; Иванский В.П. Правовая защита информационного пространства частной жизни: От теории к практике // Вестник РУДН. Вып. 1. М.: Изд. РУДН, 1997.

[24] Баренбойм П.Д., Гаджиев Г.А., Лафитский В.И., Май В.А. Конституционная экономика. М.: Юстицинформ, 2006. С. 338.

[25] Цадыкова Э.А. Гарантии охраны и защиты персональных данных человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 14. С. 16.

[26] СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

[27] Вильская Н.В., Малахова В.Ю. Криминалистические характеристики фальшивомонетничества как основа частной методики расследования преступлений данного вида // Право и управление. 2022. № 12. С. 74.

[28] Цадыкова Э.А. Гарантии охраны и защиты персональных данных человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 14. С. 17.

[29] Майстренко Г.А., Майстренко А.Г. К вопросу о правах работника в современной практике трудовых отношений // Право и управление. 2022. № 12. С. 30.

Spisok literatury:

[1] Rybakov O.Yu. Vectors of the Russian legal policy in the field of protection of individual rights and freedoms//Law. Legislation. Personality. Essays. No. 2 ./Ed. O.Yu. Rybakova. Saratov: Ed. SEI HPE "SGAP," 2007. S. 85.

[2] Matuzov N.I. Actual problems of legal theory. Saratov, 2003. S. 476, 477.

[3] Long M.O. To the question of the concept and understanding of the rule of law: theoretical and legal aspect//International Scientific Bulletin. 2022. № 2. S. 18-19.

[4] Red Book. Constitution of the Russian Federation. M.: Novaya Gazeta, 2004.

[5] Lukyanova E.A. Some problems of the Constitution of the Russian Federation//Constitutional and municipal law. 2007. № 15. S. 4-9.

[6] Bogdanova N.A. Legal dogma and politics in the science of constitutional law//Bulletin of Moscow University. Ser. 11. Right. 1997. № 4. S. 14.

[7] Matuzov N.I. Legal nihilism as a destructive phenomenon of Russian reality//Man and law at the turn of the century. Almanac of the Institute of the Prosecutor's Office of the Russian Federation SGAP. 2005. № 1 (6). S. 5.

[8] Malinovsky A.L. Abuse of law. M., 2002.

[9] Rybakov O.Yu. Personality and legal policy in the Russian state. Saratov: SEI HPE "SGAP," 2003.

[10] Moiseeva T.V. Judicial control over the observance of the right of citizens to secrecy of telephone conversations and other messages//Journal of Russian Law. 2001. № 1. S. 71-75.

[11] M.A. Aliverdieva. Place and role of the police in the system of interaction between law enforcement agencies for environmental protection in the Russian Federation//International Scientific Bulletin. 2022. № 3. S. 54-55.

[12] Pimanov A.K. Mechanism of functioning of the state and legal awareness of citizens: theoretical and legal approach//International Scientific Bulletin. 2022. № 2. S. 27-28.

- [13] Wasserman A. *Big Brother Follows You*//*Business Journal*. 2008. № 7. S. 11.
- [14] Hasanov A.Ya. *On the question of the information environment as the basis of a digital service*//*International Scientific Bulletin*. 2022. № 4. S. 84-85.
- [15] T.V. Moiseeva *Decree*. Op.
- [16] Kharzinova V.M., Shkhagapsoev T.R. *Comparative legal analysis of the application of criminal procedure coercion measures*//*International Scientific Bulletin*. 2022. № 4. S. 61-62.
- [17] Long M.O. *History of constitutional changes in the place and role of law enforcement function in the state: historical aspects*//*International Scientific Bulletin*. 2022. № 3. S. 17.
- [18] *Bulletin of the FPA RF*. 2005. № 3. S. 35, 36.
- [19] Kazberov P.N. *Problematic issues of the implementation of professional and psychological training of ATS employees for extreme conditions of official activity*//*Law and management*. 2022. № 7. S. 134.
- [20] Nikolaeva Yu.V. *Criminal liability for state crimes: a modern aspect*//*Law and management*. 2022. № 7. S. 144.
- [21] Musatov V.V., Polenov D. *Some issues of legal regulation of the activities of transnational corporations in the field of information technology (based on the materials of judicial practice)*//*Law and management*. 2022. № 9. S. 37.
- [22] E.A. Shelepina. *Some aspects of the protection of the rights of convicts during the privatization of residential premises*//*Law and management*. 2022. № 11. S. 80.
- [23] Ivansky V.P. *Legal regulation of the protection of private life of citizens and personal computer data in Canada*//*Bulletin of RUDN University. Ser. Jurid. sciences*. 1997. № 1. S. 183-190; Ivansky V.P. *Legal protection of the information space of private life: From theory to practice*//*Vestnik RUDN. No. 1. M.: Ed. RUDN UNIVERSITY*, 1997.
- [24] Barenboim P.D., Hajiyeu G.A., Lafitsky V.I., Mau V.A. *Constitutional Economics*. M.: Justicinform, 2006. S. 338.
- [25] Tsadykova E.A. *Guarantees of protection and protection of personal data of a person and a citizen*//*Constitutional and municipal law*. 2007. № 14. S. 16.
- [26] *Nw Of The Russian Federation*. 1997. № 10. Art. 1127.
- [27] Vilskeya N.V., Malakhova V.Yu. *Forensic characteristics of counterfeiting as the basis of a private methodology for investigating crimes of this type*//*Law and management*. 2022. № 12. S. 74.
- [28] Tsadykova E.A. *Guarantees of protection and protection of personal data of a person and a citizen*//*Constitutional and municipal law*. 2007. № 14. S. 17.
- [29] Maistrenko G.A., Maistrenko A.G. *On the issue of employee rights in modern labor relations practice*//*Law and management*. 2022. № 12. S. 30.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право»,
рекомендованный ВАК Министерства науки и
высшего образования России (специальности
12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь»,
рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз
в 3 месяца.